

СПЕЦ. ЦЕНА

Читайте все романы Александры Марининой:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего – никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла
Обратная сила. 1842 – 1919
Обратная сила. 1965 – 1982
Обратная сила. 1983 – 1997
Цена вопроса. Том 1
Цена вопроса. Том 2
Горький квест. Том 1
Горький квест. Том 2
Горький квест. Том 3

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

СВЕТЛЫЙ ЛИК
СМЕРТИ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.

М26 Светлый лик смерти / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (А. Маринина. Меньше, чем спец.цена).

ISBN 978-5-04-097154-1

Ревность, зависть, в конце концов, любовь — все может стать причиной убийства или самоубийства. А того и другого в деле, которое распутывает Анастасия Каменская, хватает. Никаких зацепок, совершенно непонятны мотивы убийства двух молодых и красивых женщин, не вполне ясно, почему покончила с собой третья. Известно только, что все трое были знакомы с удачливым плейбоем Владимиром Стрельниковым. Но у того железное алиби. Похоже, что истину знает лишь серебряный Купидон, найденный на теле одной из убитых. Но — увы! — Купидон свидетель ненадежный... Впрочем, Каменской порой достаточно пустяка, чтобы найти верное решение.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М. А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-097154-1

Глава 1

— ... Если вы хотите оставить сообщение, говорите после звукового сигнала. Если вы хотите послать факс, начинайте передачу...

Люба швырнула трубку на рычаг и глубоко вздохнула, пытаясь удержать рвущиеся наружу слезы. На протяжении нескольких месяцев она слышит этот холодный равнодушный голос, предлагающий ей оставить свое сообщение на автоответчике.

— Ну как? — сочувственно спросил ее симпатичный капитан, который полчаса назад сжалился над Любой и пустил ее в помещение отдела милиции аэропорта Шереметьево-2 позвонить. — Опять никто не подошел?

— Опять, — кивнула она, отворачиваясь, чтобы он не увидел, как она изо всех сил старается не заплакать.

— Позвоните еще кому-нибудь, — посоветовал милиционер. — Неужели больше некому вас встретить?

Некому. Она хотела, чтобы ее встретил именно Стрельников. А его нет. Все мучительно долгие месяцы, проведенные в Турции, она пыталась связаться с ним, покупала на сэкономленные гроши телефонные карточки и звонила в Москву, но вместо голоса живого Стрельникова слышала только

автоответчик, который съедал драгоценные секунды, оплаченные карточкой. Три дня назад она, отчаявшись, все-таки оставила ему сообщение с датой и номером рейса и просьбой встретить ее в аэропорту. Говорила о том, как соскучилась и ждет встречи с ним. Говорила еще какие-то ласковые необязательные слова, пока автомат не запищал, возвещая об окончании оплаченного времени. Ей хотелось, чтобы Стрельников приехал за ней в Шереметьево с легким сердцем, не опасаясь сцен и упреков с ее стороны. Но он не приехал. И телефон его не отвечал.

Она набрала телефон Милы, близкой подруги. Впрочем, теперь вряд ли Мила может считаться близкой. Просто приятельница. После того как она бросила Любу в Турции одну... Хотя стоит ли ее за это осуждать? В болото неприятностей они попали вместе, и вины их в том не было, была только глупость и неоправданная доверчивость, а уж выбирать должен был каждый самостоятельно в меру собственных способностей. Мила выбралась быстрее, ибо способностей у нее оказалось больше. Разве можно ее винить за это? Она улетела в Москву еще в начале июня, а Люба застряла до октября.

У Милы тоже никто не подошел к телефону. Как же добираться до города? Денег у Любы — ни копейки. Хозяин, у которого она работала весь курортный сезон, предоставил ей угол в своем доме и скудную кормежку, а работала у него Люба только за билет до Москвы и визовый взнос. Наличные у нее не водились, и ей приходилось изредка просить хозяина дать ей два-три доллара вместо ужина или обеда. На эти доллары она и покупала телефонную карточку. Чувство голода стало постоянным и привычным, официанты и повара в ресторане, где она работала, готовы были подкормить ее,

но не безвозмездно. Это Любу не устраивало, она же не Мила. Милка привыкла все проблемы решать через постель, потому и улетела в Москву уже в начале лета. Ничего не боится, отчаянная, рисковая. А Люба боится, да и вообще не по ней это. Смуглые волосатые турки вызывали у нее отвращение, преодолеть которое она не могла даже ради возвращения домой.

— Выпейте чаю, — предложил ей милиционер по имени Георгий, ставя перед Любой чашку с дымящимся напитком и коробку с сахаром.

— Спасибо, — благодарно пробормотала она, отпивая горячий чай. — Можно я еще позвоню?

— Конечно, звоните, — улыбнулся Георгий. — Вам же нужно отсюда уезжать так или иначе. Сидите спокойно и дозванивайтесь, не обращайтесь на меня внимания.

Люба набрала телефон Леонтьевых. Геннадий Леонтьев был одним из заместителей Стрельникова и его близким другом. Он должен знать, где разыскать Володю. Но и тут ее ждала неудача. Кроме длинных гудков, Люба не услышала ничего приятного. Оставался Слава Томчак, тоже заместитель и друг. Последняя надежда. Если и до него не удастся дозвониться, то тогда вообще непонятно, что делать дальше.

— Алло! — послышался в трубке знакомый голос Ларисы Томчак, Славинной жены.

— Лара, это я, Люба, — сдавленным голосом произнесла она.

— Люба... — недоуменно повторила Лариса и вдруг спохватилась. — Господи, Любочка, ты вернулась! Когда? Где ты?

— Я в Шереметьеве, в отделении милиции.

— Почему в милиции? С тобой что-то случилось? — обеспокоенно спросила Томчак.

— Нет, просто у меня нет денег на телефон, и мне разрешили отсюда позвонить. Где Стрельников?

В трубке повисло тяжелое молчание.

— Он... Он в отъезде. Он должен был тебя встречать?

— Да, наверное. Во всяком случае, я просила его об этом.

— Любаша, никуда не уезжай, я сейчас за тобой приеду. Жди меня через сорок минут под табло прилета. Поняла?

— Значит, Володя меня не встретит? — зачем-то безнадежно переспросила Люба, прекрасно понимая, что, конечно, не встретит, раз он в отъезде. Наверное, он и сообщение ее не получил, его, вероятно, уже не было в Москве, когда она звонила в последний раз.

— Я тебя встречу. Все, Любочка, я выезжаю. Через сорок минут под табло.

Люба допила чай и вежливо поблагодарила добросердечного милиционера за гостеприимство.

— Дозвонились наконец? — улыбнулся Георгий.

— Да, спасибо.

— Можно вопрос?

— Пожалуйста.

— У вас есть родители?

— Конечно.

— Они здесь, в Москве?

— Да.

— А почему вы им не позвонили? Обычно в таких случаях звонят в первую очередь домой.

Почему... Потому что. Разве может она показаться на глаза маме с папой в таком виде? Она уезжала из Москвы по приглашению турецкой фирмы, специализирующейся на строительстве оте-

лей. Предполагалось, что они с Милой, закончившие колледж гостиничного и ресторанного хозяйства и имеющие сертификаты гостиничных менеджеров, будут стажироваться в Турции, в одном из крупных курортных отелей, набираться опыта. С турецкими строителями они познакомились в Москве, и те пообещали им хорошую работу в одном из крупных курортных городов Турции — Бодруме, Измире, Кемере или Анталии. Ссылались на наличие множества друзей и связей. Это звучало очень убедительно, ведь они строили эти самые отели для отдыхающих со всего мира. И вели они себя прилично, лапы не протягивали и ни на что не намекали. Просто дружеское отношение и желание помочь в приобретении опыта работы в отелях международного класса.

— Денег с собой не берите, — предупреждали строители, — они вам не понадобятся. Только на первые два-три дня, пока мы будем решать организационные вопросы. Потом приступите к работе и сразу получите аванс. Оклад отель-менеджера — около двух тысяч долларов, так что если вы проработаете сезон, то вам на все хватит. И покушать, и золотом обвешаться, и в кожу и меха закутаться, еще и домой привезете.

Перспектива была заманчивой, и девушки купили билеты на самолет до Анталии, куда прилетели в апреле, как раз к началу курортного сезона, имея при себе по пятьдесят долларов. После покупки билета и шмоток, необходимых для жизни и работы в сорокаградусную жару, денег у них осталось совсем мало. Можно было, конечно, подзаянть у того же Стрельникова, но зачем влезать в долги, если строители сказали, что деньги не нужны. Кто же знал, что все так обернется?

За эти месяцы Люба несколько раз звонила

домой, родителям, и веселым голосом рассказывала им, что у нее все хорошо, просто отлично, прекрасная работа и все идет как надо. Она просто не могла признаться им, в каком аду живет. Тем более что осторожная мама неоднократно пыталась отговорить ее от поездки, а более прямолинейный отец высказывался жестко и совершенно недвусмысленно. «Бесплатным бывает только сыр в мышеловке. Что это еще за благодетели такие? Ты уверена, что им можно доверять?» Люба была уверена, что можно. И признаться родителям теперь, что они оказались правы, у нее язык не поворачивался. Да и вообще, узнай они, как обстоят дела на самом деле, они бы с ума сошли от ужаса. Люба должна вернуться домой с чемоданом подарков и покупок и хоть какими-то деньгами в кармане. А не так, как сейчас: без копейки и с той же самой сумкой, с которой улетала полгода назад и в которой не лежит ни одной новой вещи. И ни одного подарка, кроме двух крошечных, оправленных в серебро синих талисманов от сглаза, которым цена полушка в базарный день и которые ей подарили хозяева сувенирных магазинов просто за красивые глаза, еще в те первые дни, когда они с Милой только-только приехали, бегали по городу с горящими от возбуждения глазами и тарасились на яркие витрины магазинов. Их принимали за отдыхающих и дарили талисманы в надежде, что они вернутся в эти магазины за подарками для родных и друзей. Они не вернулись.

Люба вышла в зал прилета и принялась бесцельно бродить, то и дело поглядывая на часы в ожидании Ларисы. Каждые пять минут громкоговоритель возвещал о прибытии рейсов, и толпы встречающих кидались к стойкам таможенного контроля. Им навстречу выходили улыбающиеся пассажиры, кто-то кому-то махал рукой, кто-то

поднимал над головой плакат с фамилией прилетевшего или с названием своей фирмы. Всех встречали. Всех ждали. Только не ее, Любу Сергиенко. Слезы снова потекли из глаз, и она поплелась в сторону туалетов, чтобы умыться. Нагнувшись над раковиной и набрав в ладони холодной воды, она вдруг не удержалась и расплакалась громко, горько, навзрыд. В первый раз за все полгода она не справилась с собой и зарыдала. Ей в одну секунду припомнилось все: отчаяние, унижение, голод, неудобная постель в душевой комнате без кондиционера, постоянное безденежье, стыд. Ей вспомнилось, как она сидела в аэропорту Анталии. Рейс дважды откладывали, сначала на шесть часов, потом еще на тринадцать. Деваться было некуда, все пассажиры уже прошли паспортный контроль и выйти в город не имели права. Все места в бистро и баре были заняты отъезжающими с отложенных рейсов, люди сидели на полу, пристроиться было негде. И ужасно хотелось есть. А денег не было. Но Любе тогда казалось, что все это ерунда, потому что в Москве ее ждет Стрельников. Кончился кошмар, кончилась унижительная работа, она наконец летит домой. Ради этого можно и потерпеть. Сидя на корточках в уголке в душном переполненном аэропорту, она закрывала глаза и представляла себе Володино лицо, его улыбку, его распахнутые и протянутые ей навстречу руки. Он ждет ее, он скучает без нее...

Но оказалось, что ее никто не ждет.

* * *

Лариса Томчак вела машину легко и уверенно. Всю дорогу она молчала, но Люба почти не обращала на это внимания, ей и самой не хотелось разговаривать. Ей хотелось только одного: заснуть,

проснуться и обнаружить, что последние полгода ей просто приснились. Она никуда не уезжала, ничего этого не было, за окном тихое прохладное московское утро, будильник показывает четверть восьмого, рядом с ней крепко спит Володя Стрельников, и сейчас она встанет, чтобы приготовить ему завтрак.

Дома Лариса первым делом отправила Любу в душ и занялась приготовлением обеда.

— А где Слава? — спросила Люба. — Неужели на работе? Сегодня же воскресенье. Опять Стрельников его вместо себя оставил вкалывать?

Лариса бросила на нее какой-то странный взгляд.

— Иди мойся. Потом поговорим.

Несмотря на голод, Любе кусок в горло не шел. Ей вдруг стало казаться, что она непременно подавится и умрет. С ней такое случалось, хотя и нечасто. Еще в раннем детстве страх перед едой возник у нее при нервных перегрузках — перед контрольными, которых она ужасно боялась, перед экзаменами, потом, в юности, — во время ссор с юношами или на почве любовных переживаний. Обыкновенный невроз.

Она решительно отставила тарелку и залпом выпила стакан минеральной воды.

— Почему ты не ешь? Невкусно?

— Вкусно. Спасибо, Лара, я уже сыта. Теперь объясни мне наконец, что все это значит? Что происходит?

— Любаша, мне придется сказать тебе неприятные вещи. Соберись с духом, пожалуйста.

— Мне не с чем собраться, — усмехнулась Люба, — вся сила духа оказалась растроченной под знойным солнцем турецкого рая. Не надо меня шадить. Все плохое, что могло случиться со мной,

уже случилось. Так где мой Стрельников? Куда по-девался?

— Он уехал на две недели в Испанию, в Коста-Браво.

— По делам Фонда?

— Нет, отдохнуть.

— Что, сильно утомился? — скептически осведомилась Люба.

— У него медовый месяц.

— Как ты сказала?

Люба решила, что ослышалась. Какой медовый месяц? Стрельников женат больше двадцати лет. Последние два года он прожил с ней, Любой Сергиенко, уйдя от жены и купив себе квартиру. Накануне ее отъезда в Турцию речь шла о том, что он в ближайшее же время оформит развод, и после возвращения Любы они поженятся. Так какой же может быть медовый месяц? С кем? С женой Аллой?

— Я сказала, что у Стрельникова медовый месяц, — отчетливо повторила Лариса Томчак.

— С кем? — пересохшими губами спросила Люба.

— С твоей подружкой Людмилой.

— Нет!

«Уснуть, проснуться и обнаружить, что этого нет...»

— Да. Я тебя предупреждала, что ты услышишь неприятные вещи.

— Значит, он все-таки развелся?

— Еще чего! — фыркнула Томчак. — Будет он напрягаться. Официально он все еще в браке с Аллой. А с Милой он обвенчался в церкви.

— Бред, бред... — прошептала Люба. — Я больна, у меня высокая температура, и все это мне привиделось в бреду. Этого не может быть.

Лариса встала из-за стола, подошла к ней, об-

няла за плечи, положила прохладную ладонь на ее пылающий лоб.

— Любочка, девочка моя, ты должна это пережить, как бы больно это ни было. И мы с Томчаком, и Леонтьевы с этим не смирились. Я понимаю, тебя это не может утешить, но я хочу, чтобы ты знала: Стрельникова с Милой мы в своих домах не принимаем. Мы все тебя любим, и у нас за тебя душа болит. Но руководить его поступками мы не можем. Это не в наших силах.

Люба прикрыла глаза и откинулась назад, прижавшись затылком к мягкой груди Ларисы.

— Как это случилось?

— Мила вернулась в июне и сразу помчалась к Стрельникову. Якобы рассказывать, как у тебя дела, и передать от тебя письмо. Ты писала ему письмо?

— Да. И просила Милу его передать.

— Ну вот. Ты сама и устроила их встречу. Уж не знаю, как у них там все вышло, но только в июле она уже присутствовала на банкете, куда были приглашены руководители Фонда с женами. Мы с Томчаком, Гена Леонтьев с Анютой, а Володя — с твоей подругой. Мы ведь даже не знали, что Мила — твоя подруга. Просто увидели рядом с ним эффектную блондинку и решили, что он пригласил совершенно случайную девицу себе в пару. Тебя нет, а с Аллой он отношения не поддерживает. Привел ее, чтобы не вызывать у организаторов банкета лишних вопросов. Мы даже значения этому не придали. А в августе, когда Гена Леонтьев отмечал сорокапятилетие, Володя сказал, что придет с Милой. Тогда и вскрылось. Короче говоря, окрутила она его в момент. Любаша, хоть ты мне объясни, что у вас там произошло. Почему вы уехали вместе, а вернулись порознь? Почему ты там

застряла? Мы, честно признаться, решили, что у тебя сделался роман с каким-нибудь богатым турком, ты осталась в Турции, а Мила рассказала об этом Стрельникову. Тогда все более или менее понятно. Это так?

— Нет, Лара. Это все не так...

* * *

... Первые пять дней прошли в восторженном угаре. Курортные районы Турции действительно райские места, а уж в апреле, когда еще нет изнуряющей жары, — особенно. Девушки с наслаждением разглядывали выставленные в витринах золотые изделия, приценивались, и в свете будущей зарплаты в две тысячи долларов кольцо, браслеты и серьги казались им до смешного недорогими. Они заходили в каждый магазин, где продавались кожа и мех, мерили пальто, шубы, куртки и выбирали модели, которые непременно купят, как только заработают деньги. Отбоя от предложений выпить чашечку кофе бесплатно не было, хозяева магазинов, ресторанов и баров им улыбались и зазывали к себе, и жизнь казалась радужной и прекрасной. Пригласившие их фирмачи каждый вечер рассказывали о том, где и с кем они говорили насчет работы для девушек и кто и что им обещал. Однако прошло пять дней, потом десять, а с работой ничего не получалось. Денег не осталось совсем, хотя тратили они их очень осторожно, только на еду и то весьма скромно, даже лишний раз кофе выпить не решались. На одиннадцатый день строители объявили им, что ничего не получается. Единственная работа, которую они сумели для них найти, — массажистками в отеле. Выбора не было, купить билет до Москвы им было не на что, и девуш-